

УДК 01

Валерий Павлович Леонов

*Библиотека Российской академии наук, научный руководитель, профессор,
доктор педагогических наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: valleo@mail.ru*

Точное библиографоведение и стратегия «дальнего чтения»

Аннотация. В статье сделана попытка обосновать новый взгляд на объект библиографии и проследить, как это повлияет на развитие библиографоведения. Новые технологии и совершенствование цифровых (компьютерных) методов гуманитарных наук (DH – Digital Humanities) приведут к качественным изменениям на пути к точному библиографоведению.

Ключевые слова: точное библиографоведение; дальнее чтение; цифровые гуманитарные науки; DH; Digital Humanities; цифровой анализ.

Valeriy Pavlovich Leonov

*Russian Academy of Sciences Library, scientific supervisor, professor, doctor of pedagogical sciences,
Russia, St. Petersburg, e-mail: valleo@mail.ru*

Precise bibliography science and ‘distant reading strategy’

Abstract. The author attempts to substantiate a new look at the subject of bibliography and to observe how this will impact on the development of the science of it – bibliography science. New technologies and improvement of digital (computer) methods of the humanities (DH – Digital Humanities) will lead to qualitative changes on the way to precise bibliography science.

Keywords: precise science of bibliography science; distant reading; DH; Digital Humanities; digital analysis.

В трудах основоположника теории современной отечественной библиографии О.П. Коршунова (1926–2013) дано краткое и ёмкое определение библиографоведения: «Библиографоведение — наука о библиографии. В самом общем смысле этим все сказано, поскольку остальное лишь детали... Возникновение и развитие научного знания о библиографии происходило в результате осмысления и обобщения библиографами практического опыта своей профессиональной деятельности» [1, с. 15–16].

В. П. Леонов

Актуальность заявленной темы вызвана обсуждением проблем библиографоведения на современном уровне и в контексте дискуссий, которые ведутся в последние десятилетия в рамках библиографического пространства. Среди участников дискуссий Л.В. Астахова, Э.К. Беспалова, Т.Ф. Берестова, М.Г. Вохрышева, Т.Ф. Лиховид, Н.В. Лопатина, И.Г. Моргенштерн, Н.А. Сляднева, А.В. Соколов, В.А. Фокеев.

Одна из интересных и актуальных высказанных ими идей относится к пониманию связи традиционного и точного библиографоведения. Другая важная идея — понимание концептуального характера

© Леонов В.П., 2020

библиографоведения, его разнообразия. Оно, как утверждал О.П. Коршунов, «не свойственно в таких масштабах ни одной из родственных библиографоведению научных дисциплин (например, библиотековедению или книговедению) <...> создание единой общей теории библиографии — главная стратегическая цель современного отечественного теоретического библиографоведения. Она может быть достигнута только в результате хорошо скоординированных коллективных усилий...» [1, с. 46–48].

Хотелось бы заглянуть в будущее библиографии и библиографоведения как объектов изучения. Все современные публикации свидетельствуют, что эти объекты характеризуются множеством сторон и что возможны самые разные библиографические программы — книговедческая, библиотековедческая, педагогическая, социально-психологическая, литературоведческая, информационная, историческая и т. п., а следовательно, и разные научные направления, которые оптимизируют комфортное удовлетворение разных информационных потребностей. В результате неизбежно возникает дублирование: например, в книговедении уже есть разделы о библиографии, а в библиографоведении есть книговедческие аспекты и т. д.

Почему же существует настойчивое стремление объединить всё это в рамках одной дисциплины? Думаю, по двум причинам. Первая — влияние преподавания, в результате которого нередко образцы соединения в рамках учебного предмета достаточно разнородных знаний переносятся и на науку. Однако не любая совокупность знаний может быть объединена одной научной дисциплиной. Вторая причина — не всегда чёткое представление у ряда книговедов и библиографов о том, какие составляющие рождают и развивают науку о книге. Некоторым кажется, что для этого достаточно указать на объект — книгу [2, с. 153–154].

Наличие многих дисциплин, связанных с книгой и библиографией, порождает

проблему: является ли библиографоведение комплексом дисциплин или комплексной дисциплиной? Большинство исследователей логично придерживаются второй точки зрения. Но тогда возникает другой вопрос: нужны ли кому-то одновременно знания и опыт о создании библиографической информации, о разных видах её свертывания, о чтении в библиографии, о её автоматизации и компьютеризации, о библиографическом поиске, обслуживании, о хранении библиографической информации? Эти знания чаще всего носят фиксирующий характер, т. е. представляют собой описание уже сложившихся представлений в библиографии. Достаточно ли их, чтобы попытаться заглянуть в будущее [2, с. 155]? Полагаю, что адекватное осознание новых проблем возможно, если библиографы и их коллеги прежде всего сосредоточат внимание на обсуждении библиографических объектов нового типа [3].

По сравнению с традиционным библиографоведением, в основе которого лежит многолетняя практика интеллектуального и ручного труда библиографа, точное библиографоведение отталкивается от цифровой обработки больших массивов библиографических данных с использованием сравнительно-статистических методов анализа. В нашем случае объектом интереса является теория точного библиографоведения, а предметом познания — сравнительно-статистический анализ библиографических данных. Высшая цель теории точного библиографоведения — получить универсальное знание об объекте исследования. А так как речь идёт о непрерывно меняющихся библиографических явлениях, теория вынуждена идти на поиски вариантов.

Сошлюсь, для примера, на предлагаемое мною понятие «технобиблиография» [4]. Технобиблиография представляет собой попытку объяснить то качественно новое состояние объекта, в котором библиография оказалась в начале XXI в., когда мир сконцентрировался на пути

к обществу знаний. Она сегодня оказывает услуги, ориентированные на массовый спрос, новые технологии изготавливаются «на заказ» и занимают заранее определённые «ячейки». Но отношения между библиографией и новыми технологиями внутренне противоречивы. С одной стороны, библиография выступает как заказчик, как генератор новых технологий, а с другой — спрос на библиографическую информацию порождает услуги одностороннего типа, в результате чего интеллектуальный потенциал библиографического знания используется не полностью. Если традиционно это отношение понималось как технологическое приложение, то теперь сама деятельность по получению знания встраивается в процессы создания новых технологий. Сказанное можно проиллюстрировать на примере автоматизации библиографического поиска [5–8].

Постепенно выяснилось: традиционный библиографический поиск представляет собой плохо поддающуюся формализации задачу. С одной стороны, положение о том, что пользователь может чётко описать информационную потребность в конкретном запросе, было принято вынужденно, как условность, в связи с необходимостью создать алгоритм отбора документов. С другой стороны — автоматизированный принцип организации поискового материала не предполагает логического построения. Погружённость в электронную среду изменяет сам характер мышления, принципы обоснования знания. Неслучайно в научный оборот вошли понятия «машинное мышление», «компьютерное сознание».

Информатики считают принцип логического построения дефектным для автоматизации, а библиографы по-прежнему продолжают создавать библиотечные каталоги и указатели литературы по ассоциации с человеческой памятью и с работой сознания. В этом контексте сегодня интерес представляют уже не результат как таковой, а те возможности и преобра-

зования, которые обогащают библиографический поиск в условиях использования новых технологий.

Поэтому технобиблиография включила в свою сферу наряду с техническими психолого-педагогические и социологические аспекты. Это потребовало совместного участия библиографов, технологов и программистов в поиске информации, оформлении и предоставлении библиографического знания пользователю [9].

Проникновение информационных технологий, цифровизации в библиографоведение происходит несколькими путями, в результате которых в науке-посреднике расширяется круг задач. Библиографоведение выступает своеобразным мостом, обеспечивающим проникновение в науку не только средств и методов, но и теоретических представлений.

Исследовательские программы изучения объекта бывают двух видов: проблемные (с указанием типов вопросов) и методические (с указанием методов). В нашем случае исходную ситуацию можно сформулировать следующим образом: в какой степени библиографические тексты, их форма, содержание могут быть изучены с помощью точных, количественных методов? Ответ предполагает, что внедрение точных методов плодотворно тогда, когда количественные методы не самоцель, а только средство решения задачи.

За примером обратимся к междисциплинарным компьютерным исследованиям под общим названием Digital Humanities (DH) для воссоздания обстоятельств и событий истории гуманитарных наук [10]. Главным аспектом междисциплинарности DH является сотрудничество специалистов в области гуманитарных и технических дисциплин. Помимо историков, филологов и специалистов по информационным технологиям, в таких исследованиях участвуют библиотекари, архивисты, музейные работники.

Оцифровка документов и памятников прошлого воспринимается сообществом DH по-разному. Учёные видят в ней облег-

чёрный источник доступа к нужным для исследования документам. Библиотекари надеются, что оцифровка привлечёт внимание к редким коллекциям и уникальным изданиям. Архивисты спорят о сверхзадачах оцифровки: должны ли копии быть фондом общего пользования или бронированным фондом. Специалисты в области информационных технологий воспринимают оцифровку как барьер для широкого использования технических средств и форматов сохранения результатов [11].

Вместе с тем, говоря о междисциплинарных исследованиях, положенных в основу ДН, логично полагать, что они станут наиболее эффективными, если будут иметь общий объект, на который направлены методы точных наук. В нашем случае в качестве такого объекта можно рассматривать библиографическую информацию, имеющую сложную видовую структуру.

В последнее время, отмеченное наступательным и масштабным движением компьютерных технологий, многочисленные библиотеки, научные и учебные центры мира создают свои обширные базы литературных и библиографических текстов. Большие массивы полученных данных требуют новых подходов. Перед такими данными метод пристального чтения (*close reading*), рассчитанный на работу с конкретными текстами, казалось бы, теряет смысл. Главным критиком *close reading* стал итальянский социолог и литературовед Франко Моретти, который изложил свои идеи в книге «Дальнее чтение» [12]. Вслед за американской исследовательницей Маргарет Коэн¹ он называет массив неучтённых текстов «великим

непрочтённым» (*the great unread*) [12, с. 79] и логично считает, что мировую литературу следует изучать не вглядываясь в детали, а рассматривая её с большого расстояния, изучая сотни и тысячи текстов. Только тогда удастся увидеть общие, свойственные ей закономерности. Его исходный посыл заключается в следующем: если прочитать все произведения мировой литературы невозможно, то необходимо найти способ исследовать их каким-либо иным путём. Другими словами, «нам нужен небольшой договор с дьяволом: мы умеем читать тексты, теперь нужно научиться не читать их» [12, с. 83].

Поставив цель, Ф. Моретти ищет неизвестные ранее способы её достижения, т. е. ответ на вопрос «как». Он предлагает использовать инструментальный ДН (*Digital Humanities*), т. е. применить цифровые (компьютерные) методы в гуманитарных науках. Например, с помощью ДН определять частотность слов, подсчитывать количество диалогов между персонажами. «Через несколько лет, — заключает автор, — мы сможем совершать поиск практически по всем когда-либо напечатанным романам и выявлять закономерности в миллиардах предложений». И добавляет: «Лично я в восторге от этой встречи формального подхода и квантификации» [12, с. 229]. Наглядная демонстрация возможностей ДН в филологии представлена в девятой главе под заглавием «Корпорация стиля: размышление о 7 тысячах заглавий (британские романы 1740–1850)» [12, с. 248–287]. Используя статистические методы, он показывает закономерности изменения романов. Казалось бы, всё просто: заглавия романов становятся короче. На самом деле это связано с изменением функций заглавия. В период становления жанра заглавие выполняло провокационную (*spoiled*) роль. Когда читатель уже хорошо изучил жанр романа, главной задачей заглавия стала интрига, оно делается короче.

Ф. Моретти интересуют глобальные вопросы, на которые нельзя ответить,

¹ Термин «великий непрочтённый» заимствован из «Сентиментального воспитания романа» Маргарет Коэн (Cohen M. *The Sentimental Education of the Novel*. Princeton: Princeton University Press, 2002. P. 23), где он был использован для описания массива текстов, которые с момента публикации оставались забытыми и недоступными. Однако содержательную трактовку «великого непрочтённого» осуществил Ф. Моретти.

ограничившись малым кругом авторов и текстов: почему возникает литература, какие принципы заложены в её развитие? Чтобы показать причины выживаемости одних типов текста, он сравнивает литературные процессы с биологическими и проводит аналогию естественного отбора с отбором читательским.

Было бы ошибкой считать, что Ф. Моретти был первым, кто увидел общее между природой и литературой, литературными и биологическими процессами и первым использовал количественные методы. И. Пильщиков [13] и К. Корчагин [14] называют таким предшественником российского литературоведа Бориса Исааковича Ярхо (1889–1942), автора фундаментальной монографии «Методология точного литературоведения» [15]. К сожалению, книга Б. И. Ярхо осталась незаконченной. Учёный писал её, находясь в ссылке, без особой надежды на издание. Сегодня этот труд можно рассматривать как развёрнутую программу для методологии точного литературоведения, где много интересных размышлений об анализе и синтезе текстов и подчёркивается, что каждый этап исследования должен проверяться количественными методами. Оригинальность работы заключается также в том, что Б. И. Ярхо провёл важную аналогию между природой и литературой. Он попытался построить литературоведение в класс естественных наук — отсюда его интерес к биологии, социологии, статистике. В целом содержание его монографии близко к тому, о чём размышляет Ф. Моретти.

В заключительной части «Дальнего чтения» Ф. Моретти пишет: «Что-то начало изменяться, если не в результате, то в природе нашей работы. В том смысле, что когда мы изучаем 200 тысяч романов вместо 200 — мы не просто делаем то же самое, только в 1000 раз больше. Новый масштаб изменяет наше взаимодействие с объектом и, по сути, меняет сам объект. Мы все еще изучаем романы, но подготавливаем их для анализа таким

образом, который меняет то, что мы видим» [12, с. 325].

В качестве новой программы для такого анализа американские учёные предлагают обратить внимание на понятие «масштабируемое чтение» (*scalable reading*). Масштабируемое чтение рассчитано на работу не с текстами, а с «суррогатами» текстов внутри широкой шкалы медийных форм и аналитических заготовок [16]. «Широкая шкала суррогатов подразумевает все вообще тексты, которые служат материальными объектами для осмысленного чтения — во всех формах, кроме “первичной” исходной формы выбранного текста. В таком случае всякий, кто читает классическое оксфордское издание “Одиссеи”, автоматически становится “дальним читателем” (*distant reader*) строф, приписываемых Гомеру. И именно такой “дальний читатель”, производящий данные цифрового анализа и их визуализацию, должен понимать и интерпретировать их» [17].

Какой вывод можно сделать, читая исследование Ф. Моретти «Дальнее чтение», и какое отношение имеют представленные в нём материалы ДН к библиографии?

Как показывает опыт применения Digital Humanities, методы приходят и уходят, а теоретические рассуждения остаются. Именно теоретического фундамента не хватает современным проявлениям ДН. Нет гипотез относительного того, что делать с огромными оцифрованными библиотеками. Тем не менее инструментарий современных ДН позволяет подбирать гипотезы под новую науку, и Ф. Моретти предлагает их. В этом смысле «Дальнее чтение» расшатывает стереотипы как литературной, так и библиографической среды. Оно обращено не только к изучению пристального (медленного) чтения, близкого и понятного библиографам и литературоведам, но и к изучению всего мирового документального потока. Такой внеценностный подход открывает путь к использованию ДН-методов в изу-

чении мировой библиографии. В качестве научной гипотезы может рассматриваться наука о цифровой библиографии — квантитативное библиографоведение.

Библиографоведение должно подняться с уровня частных интерпретаций до больших обобщений. Полагаю, что в рамках цифровой и автоматизированной обработки текстов по аналогии с исследованием Б.И. Ярхо будет формироваться новая исследовательская стратегия — «точное библиографоведение» [18]. Возможно, вначале новый объект библиографоведения (цифровой и автоматизированный) и новые данные ничего не будут говорить на понятном библиографу тра-

диционном языке пристального чтения. А чтобы заставить говорить эти данные (в свете неизбежных дискуссий о методологическом повороте), должен измениться сам субъект библиографии.

Ф. Моретти пришёл к верному заключению, что теоретический ресурс, имеющийся в распоряжении профессионального филолога, не позволит решить данную задачу, если не прибегнуть к возможностям других областей знания. Это в полной мере относится и к точному библиографоведению.

Высшая цель стратегии точного библиографоведения — получить универсальное знание о библиографии.

Библиографический список

1. Коршунов О.П. Современное библиографоведение. Что это такое? // Российское библиографоведение: итоги и перспективы: сб. науч. ст. М., 2006. С. 15–51.
2. Сычева Л.С. Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. Новосибирск : Наука, 1984. 161 с.
3. Шрейдер Ю.А. Библиография — объект интереса и предмет познания // Библиография. 1988. № 2. С. 48–56.
4. Леонов В.П. Технобиблиография — новый этап развития библиографии // Библиография. 2011. № 3. С. 14–18.
5. Соколов А.В. Автоматизация библиографического поиска. М. : Книга, 1981. 167 с.
6. Леонов В.П. Реферирование и аннотирование научнотехнической литературы. Новосибирск : Наука, 1986. 176 с.
7. Федоров Е.Б. Некоторые проблемы автоматизации информационно-семантических процессов // Проблемы построения и развития алгоритмических документальных ИПС. М., 1973. Вып. 1 (5). С. 71–82.
8. Лахути Д.Г. Автоматизированные документально-фактографические информационно-поисковые системы // Итоги науки и техники. Сер. «Информатика» / ВИНТИ. М., 1988. Т. 12. С. 6–79.
9. Леонов В.П. Библиография как профессия. М. : Наука, 2005. С. 77–102.
10. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. № 1. С. 5–13.
11. Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестн. Перм. ун-та. 2014. № 3 (26). С. 5–12.
12. Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. 344 с.
13. Пильщиков И. Франко Моретти и новый квантитативный формализм // Новое лит. обозрение. 2018. № 2. С. 39–45.
14. Корчагин К. Франко Моретти и квантитативное литературоведение: об одной невстрече // Новое лит. обозрение. 2018. № 2. С. 53–56.
15. Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: избр. труды по теории лит. М. : Языки славян. культуры, 2006. XXXI, 926 с.
16. Соколова Е.В. Истолковать и/или исчислить: о возможности комбинированного метода на стыке герменевтики и digital humanities // Современная наука о литературе: сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М., 2018. С. 142–155.
17. Mueller M. Morgenstern's spectacles or the importance of non-reading [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sites.northwestern.edu/nudhl/?p=433>.
18. Леонов В.П. Дальнее чтение как стратегия точного библиографоведения // Науч. и техн. б-ки. 2019. № 10. С. 56–67.